

Н. С. Лесков

Прекрасная Аза

Любовь покрывает множество грехов.
I Петра IV. 8

В первых веках христианства в Александрии египетской жила одна очень молодая и очень красивая девушка, египтянка, по имени Аза. За её красоту её называли "Прекрасною Азой". Она была круглая сирота. Родители её умерли, едва только она вышла из детства, и оставили ей большое богатство. Аза имела благоустроенный дом и обширный виноградный сад по скату к реке Нилу.

Наследства, которое получила Аза, достаточно было бы, чтобы ей прожить целую жизнь в полном довольстве, но молодая египтянка была чрезвычайно добра и участлива ко всякому человеческому горю и ничего не жалела для того, чтобы помочь людям, которые находились в бедствии. Через это с нею произошёл следующий роковой случай.

Раз перед вечером, когда схлынул палящий египетский жар, Аза пошла с своими служанками купаться к Нилу. Она выкупалась и, освежённая, покрывшись лёгким покрывалом, тихо возвращалась к себе назад через свой виноградник. Служанки её этим временем оставались ещё на реке, чтобы убрать купальные вещи.

Вечер после знойного дня был прелестный; работники, окончив своё дело, ушли, и виноградник был пуст. Аза могла быть уверена, что она одна в своём саду, но вдруг, к удивлению своему, она заметила в одной куртине присутствие какого-то незнакомого ей человека. Он как будто скрывался и в то же время торопливо делал что-то у одного плодового дерева. Можно было подумать, что он рвал плоды и оглядывался, боясь, как бы его не поймали вертоградари.

Египтянке пришло на мысль подойти ближе к незнакомцу с тем, чтобы помочь ему скорее нарвать больше плодов и потом тихо проводить его через ход, выведивший на берег Нила, к купальне. С этою целью Аза и пошла к незнакомцу.

Но когда египтянка подошла ближе, то она увидела, что этот незнакомец не срывал плоды, а делал что-то совсем другое: он закреплял для чего-то шнур к суку старого дерева. Это показалось Азе непонятно, и она притаилась, чтобы видеть, что будет дальше, а незнакомец сделал из шнура петлю и вложил в неё свою голову... Ещё одно мгновение, и он удавился бы в этой петле, из которой слабой девушке не по силам было бы его вынуть, а пока она успела бы позвать на помощь людей - удавленник успел бы умереть... Надо было помешать этому немедленно.

Египтянка закричала: "Остановись!" и, бросаясь к самоубийце, схватилась руками за петлю верёвки.

Незнакомец был пожилой человек, эллин, с печальным лицом и в печальной одежде, с неподрубленным краем. Увидав египтянку, он не столько испугался, сколько пришёл в досаду и сказал ей:

- Какое несчастье! Злой демон, что ли, выслал тебя сюда, чтобы остановить мою решимость?

- Для чего ты хочешь умереть, когда жизнь так прекрасна? - отвечала ему египтянка.

- Может быть, жизнь и прекрасна для тебя и для подобных тебе, которые живут в полном довольстве. Раньше и я находил в ней хорошее, но нынче судьба от меня отвернулась, и жизнь моя составляет мне несносное бремя: ты не права, что мешаешь мне умереть. Иди отсюда своею дорогою и оставь мне возможность вылезть

по моей верёвке вон из этой житейской ямы, где я не хочу более терзаться между грязью и калёными угольями.

Девушка не соглашалась его оставить и сказала:

- Я не позволю тебе удавиться: я крикну, и сейчас прибегут мои люди. Лучше возьми свой шнурок под одежду и поди за мною в мой дом; расскажи мне там твою горе, и если есть возможность облегчить его, то я это сделаю, а если оно в самом деле так беспомощно, как ты думаешь, тогда... выходи от меня с своим шнуром куда хочешь: я тебе ни в чём не помешаю, и ты ещё не опоздаешь тогда повиснуть на дереве.

- Хорошо, - отвечал незнакомец, - и как мне ни тяжело медлить на земле, но ты мне кажешься такою участливою, в глазах твоих столько ума, а в голосе ласки, что я тебе хочу повиноваться. Вот же шнур мой спрятан под моею одеждой, и я готов идти за тобою.

Египтянка привела отчаянного незнакомца в свой благоустроенный дом, приказала служанке подать фрукты и прохладительное питьё и, усадив гостя среди мягких подушек на пышном ковре, вышла, чтобы переменить своё купальное платье на другое. Когда же Аза возвратилась, то она села тут же, рядом с гостем, а за ними стали две чёрные служанки и лёгким движением шёлковых кистей начали приводить в колебание спускавшееся с потолка огромное налитанное ароматами опахало из больших пёстрых перьев.

Египтянка желала как можно скорее узнать горестную историю незнакомца, что он и исполнил. Рассказ его был прост и немногосложен. Покусившийся на самоубийство эллин недавно ещё имел большое состояние, но потерпел неудачи в делах и до того задолжал, что не мог рассчитаться с своим заимодавцем. В этом затруднении он прибегнул к состраданию заимодавца, но это было напрасно: богач соглашался оказать ему снисхождение, только не иначе, как на одном ужасном условии.

- В чём же заключается это условие? - спросила египтянка.

- Я не могу сказать тебе этого при твоих слугах.

Аза велела служанкам удалиться.

- У меня есть дочь, девушка твоих лет, по имени Ио. Она так же, как ты, стройна станом и прекрасна лицом, а о сердце её суди, как можешь, по следующему. Заимодавец мой, большой и безнравственный сластолюбец, сказал мне: "Отдай мне твою Ио на ложе, и тогда я освобожу тебя от темницы, иначе ты задохнёшься в колодке". Я оскорбился и не хотел слышать об этом. Это было мне тем более тяжко, что у моей бедной Ио есть жених. Он беден, но имеет возвышенный ум, и дочь моя горячо его любит с самого детства; кроме того, и жена моя не снесёт такого бесчестья, чтобы дочь наша стала наложницею. Но беда настигает беду: представь себе новое горе: дочь моя всё это узнала и сегодня сказала мне тихо: "Отец, я всё знаю... я уже не ребёнок... я решилась, отец... Чтобы на твою старую шею не набили колодку... Прости мне, отец... я решилась..."

Ио зарыдала, и я вместе с нею рыдал ещё больше и стал её отговаривать, но она отвечала: "Любовь к тебе и к матери, которая не снесёт твоего унижения, во мне теперь говорит сильней любви к моему жениху: он молод, - продолжала она, глотая бежавшие слёзы, - он полюбит другую и с ней пусть узнает счастье супружеской жизни, а я... я твоя дочь... я дочь моей матери... вы меня воспитали... вы стары... Не говори мне больше ни слова, отец, потому что я твёрдо решилась".

Притом она пригрозила, что если я буду ей противоречить, то она не станет ждать завтрашнего дня, когда заимодавец назначил мне срок, а уйдёт к нему сию же минуту.

Незнакомец отёр набежавшие на лицо его слезы и кончил:

- Что ещё скажу тебе дальше? Ио имеет решительный нрав и нежно нас с матерью любит... Что она порешила, против того напрасно с ней спорить... Я упросил её только подождать до завтра и солгал ей, будто имею ещё на кого-то надежду... День целый я

ходил как безумный, потом возвратился домой, обнял мою жену, обнял нежную Ио и оставил их вместе, взяв тихонько шнурок, и побежал искать уединённого места, где мог бы окончить мои страдания. Ты мне помешала, но зато облегчила горе моё своим сердобольным участием. Мне мило видеть лицо твоё, прекрасное и доброе, как лицо моей Ио. Пусть благословит тебя небо, а теперь прощай и не мешай мне: я пойду и покончу с собою. Когда я не буду в живых, Ио не станет бояться колодки, которую могут набить на шею её отцу, и она выйдет замуж за своего жениха, а не продаст себя ради отца богачу на бесчестное ложе.

Египтянка внимательно выслушала весь рассказ незнакомца, а потом сказала, глядя ему твёрдо в лицо.

- Я понимаю во всём твою милую дочь, и мне нравится Ио - она добрая девушка.

- Тем это тяжелей для меня, - отвечал незнакомец.

- Я понимаю и это; но скажи мне, сколько ты должен заимодавцу?

- О, очень много, - отвечал незнакомец и назвал очень знатную сумму.

Это равнялось всему состоянию египтянки.

- Приди ко мне завтра - я дам тебе эту сумму.

Незнакомец изумился: он и радовался и не мог верить тому, что слышал, а потом стал ей говорить, что он даже не смеет принять от неё такую огромную помощь. Он напомнил ей, что долг его составляет слишком значительную сумму, и просил её подумать, не подвергает ли она себя слишком большой жертве, которой он даже не в состоянии и обещать возвратить ей.

- Это не твоё дело, - отвечала египтянка.

- Притом же, - сказал он, - припомни и то, что я из другого народа - я эллин и другой с тобой веры.

Аза на мгновение опустила ресницы своих длинных, как: миндалины, глаз и отвечала ему:

- Я не знаю, в чём твоя вера: это касается наших жрецов; но я верю, что грязь так же марают ногу гречанки, как и ногу всякой иной, и одинаково каждую жжёт уголь калёный. Не смущай меня, грек; Ио покорила себе моё сердце - иди обними твою дочь и жену и приди ко мне завтра.

А когда незнакомец ушёл, Аза тотчас же опять взяла своё покрывало и пошла к богатому ростовщику. Она заложила ему за высокую цену всё своё имущество и взятое золото отдала на другой день незнакомцу.

Через малое же время, когда прошёл срок сделанного залога, ростовщик пришёл с заложною и взял за себя всё имущество Азы, а она должна была оставить свой дом и виноградник и выйти в одном бедном носильном платье. Теперь у неё не было ни средств, ни приюта.

Скоро увидели её в этом положении прежние знакомые её родителей и стали говорить ей:

- Ты безумная девушка, Аза: смотри, до чего тебя довела твоя безрассудная доброта!

Аза отвечала, что её доброта не была безрассудна, потому что теперь она лишь одна потерпит несчастье, а без этого погибало целое семейство. Она рассказала им всё о несчастье эллина.

- Так ты вдвое безумна, если сделала это всё для людей чужой веры!

- Не порода и вера, а люди страдали, - ответила Аза.

Услыхав такой ответ, знакомые почувствовали против Азы ещё большее раздражение.

- Ты хочешь блистать своей добротой к чужезерным пришельцам, ну так живи же, как знаешь, - и все предоставили её судьбе, а судьба приготовила ей жестокое испытание.

Аза не могла избежать тяжких бедствий по причинам, которые крылись в её воспитании: она совсем не была приготовлена к тому, чтобы добывать себе средства своими трудами. Она имела молодость, красоту и светлый, даже пронзающий ум и возвышенную душу, но не была обучена никакому ремеслу. Прелестное, девственное тело её было слабо для того, чтобы исполнять грубые работы, - береговые подёнщицы её отгоняли; она не могла носить ни корзины с плодами, ни кирпичи на постройки, и когда она хотела мыть бельё на реке, то зола из сгоревшего нильского тростника разъедала её нежные руки, а текучая вода производила на неё головокружение, так что она упала в воду, и её, полуживую, без чувств, вытащили из Нила.

Аза очутилась в отчаянном положении. Она была в мокром платье и голодная. С ней поделилась сухою ячменной лепёшкой береговая блудница - одна из тех, которые во множестве бродили по берегам Нила, поджидая проходивших здесь вечером чужеземных матросов (навклиров); одна эта женщина поделилась с Азой на ночь своею циновкой, она же прикрыла её и от стужи ночной своею сухою одеждой, а потом... Аза стала такую же, как эта, - прибрежной блудницей.

Все, знавшие Азу, от неё отвратились - она погибала. Иногда она приходила в свой бывший виноградник, под то самое дерево, на ветвях которого хотел удавиться избавленный ею незнакомец, и вспоминала его рассказ, и всегда находила, что не могла поступить иначе, как она поступила: пусть страдает она, но зато Ио и её старики спасены!.. Это радовало Азу и давало ей силу терпеть её унижение; но в другие минуты она была близка к отчаянию и готова была броситься в Нил. Тогда она садилась над кручей на красном, как огустелый ком крови, песчаном холме и размышляла о том: неизбежно ли так всегда должно быть, чтобы добрые были между грязью и калёными угольями?

Или будь безучастен к горю людскому, или утони в горе сам? Третий выбор - плетись между грязью и углём. Для чего же тогда нашим сердцам дано знать сострадание? Или небо жестоко? Зачем оттуда никто не сойдёт и не укажет, как людям сделать жизнь свою лучше, чтоб отверженных не было и чтоб не было гордых, пресыщенных и нищих? О, если б снизошёл оттуда такой великий учитель! если был бы такой человек, как бы она, бедная Аза, хотела рыдать у его ног и во всю жизнь исполнять всё, что он ей прикажет.

В таком настроении Аза однажды тихо брела вдоль берега Нила по уединённому месту и не встречала сегодня даже буйных мореходцев. Она уже два дня не ела и чувствовала мучительный голод. В глазах у Азы мутилось. Она подошла к реке и нагнулась, чтобы напиться, но сейчас же отскочила в испуге: так самой ей показалось страшно её изнурённое лицо с померкнувшим взглядом. А так недавно ещё никто не решался её иначе назвать, как "прекрасная Аза".

- О, я понимаю теперь, что это значит. Я уже больше не "прекрасная Аза" - я страшна даже самым потерянными людям! Голод приблизился, мучительный голод... но я не ропщу... Я посылаю последний привет мой небу, которое внушило мне решенье любить других больше себя, и с тем умираю!

Она бросилась к реке, чтобы утонуть, и непременно бы исполнила это, но её неожиданно кто-то удержал за плечо, и она, оглянувшись, увидела перед собою пожилого человека, скромного вида и в чужестранной одежде.

Аза приняла его за одного из чужестранцев, приходящих на это место с целями, о которых ей было известно, и сказала ему:

- Оставь меня в покое: я не хочу идти сегодня с тобою.

Но чужеземец не отошёл, а взглянул на неё ласково и сказал ей:

- Напрасно думаешь, сестра моя, что я был намерен сказать тебе что-либо дурное. Мне показалось, что ты в каком-то боренье с собою.

- Да; я вынимаю ноги из грязи и хочу ступить на горячие уголья. Это требует силы.

- Ты очень слаба.

- Я два дня не ела.

- Так ешь же скорее: со мною есть хлеб и печёная рыба.

Чужеземец поспешно перебрал из-за спины холщовую сумку и подал Азе рыбу, и хлеб, и флягу воды, стращенной¹ с вином.

Аза стала есть, запивая глотками воды, стращенной с вином, а когда первый мучительный голод её был утолён, она повела глазами на незнакомца и тихо сказала:

- Нехорошо, что я ем твою пищу, ты путешествуешь, и тебе нужен запас для себя.

- Не беспокойся, сестра, я могу потерпеть, и поверь, что терпеть гораздо отрадней, чем видеть терпящих.

Аза вздрогнула.

- Чужестранец! - сказала она, - ты меня накормил и хорошо говоришь... но зачем ты два раза уже назвал меня своею сестрою? Разве не понимаешь ты, кто я такая?

- Ты такое ж создание Бога, как я, и сестра мне. Какое мне дело, чем житейское горе и жестокость людей тебя теперь сделали.

Аза вперила в него свои глаза, опять засверкавшие бывалым огнём, и вскричала:

- Ты жжёшь меня своими словами: ты, быть может, посланник богов?

Я такой же простой человек, как и ты, но все мы посланы сюда Богом, чтобы оказать друг другу любовь и помогать друг другу в горе.

- Но если ты простой человек, то кто научил тебя так говорить, что сердце моё горит и трепещет?

- Сядем здесь вместе, и я расскажу тебе, кто научил меня так говорить.

Несчастливая Аза ещё больше смутилась.

- Как? - сказала она, - ты хочешь сидеть со мной рядом! тебя могут увидеть с блудницей почтенные люди, и что ты им скажешь тогда в оправдание?

- Я скажу им, что Тот, который всех их почтенней, не гнушался такою, о какой ты вспоминаешь.

- Кто ж это был он?.. Я о таком не слыхала... но ты о нём говоришь, и слова твои льют новую жизнь в моё сердце... Может быть, он-то и есть твой учитель?!

- Ты не ошиблась: это он мой Учитель.

Аза заплакала.

- Как ты счастлив, как ты счастлив, чужестранец! Где же он, где этот небесный посланник?!

- Он с нами.

- С нами!.. со мною!.. Не смейся над бедною Азой!.. Аза несчастна... Скажи мне, где он, - я побегу... Я стану его умолять... и, быть может, Он даст мне новую жизнь.

Чужеземец сам взволновался.

- Успокойся, - сказал он, - ты её будешь иметь - новую жизнь, - развяжись только с старой, - развяжись скорей с тем, что гнетёт тебя в прошлом.

- Слушай же, кто я такая! - воскликнула с оживлением Аза и рассказала всё, что с ней было, и когда повесть её была кончена, она добавила в своё оправдание:

---

¹ Стращенный - смешанный (с чем-либо)

- Говорят, будто мне надлежало иначе размыслить, но я не могла: моё сердце тогда одолело рассудок.

- Кто кладет руку на плуг и сам озирается вспять, тот не пахарь. Не жалею о том, как ты поступила.

Аза потупила взор и сказала:

- После того, когда ты совершила святейшее дело любви, - прервал её чужестранец, - после того, когда ты позабыла себя для спасенья других... оставь сокрушения эти!.. Когда калёное уголье жжёт ноги, ноги ползут в холодную грязь, но любовь покрывает много грехов и багровые пятна белит, как волну на ягнёнке... Подними лицо твоё вверх... Прими от меня привет христианский и знай, что Он, к кому душа твоя рвётся, перстом на сыпучем песке твой грех написал и оставил смести его ветру.

Аза подняла лицо своё и плакала, а христианин глядел на неё, колени его незаметно согнулись, он поклонился ей в ноги и тихо промолвил:

- Живая! живая!

Утешенье совершилось - пришла новая жизнь в смущённую душу Азы. Христианин раскрыл ей в коротких словах ученье Христово и снова закончил похвалой её сердцу, но Аза непременно хотела знать; есть ли люди, живущие по этому учению, во взаимной любви, при которой нет ни осуждения, ни зла, ни нищеты.

- Они были, - отвечал христианин.

- Отчего же не все таковы и теперь?

- Это трудно, сестра.

- В чём же тут трудность?

- Слушай, как они жили.

Христианин прочёл ей на память места из Деяний:

"У множества уверовавших в спасительность его учения было одно сердце и одна душа, - никто из имения своего ничего не называл своим, но всё у них было общее, и всё, что у них было, они разделяли по нужде каждого и каждый день собирались вместе и вместе принимали пищу в веселии и простоте сердца"¹.

- Как это прекрасно! - воскликнула Аза.

- Но как это трудно.

"Так Иоссия, прозванный от апостолов Варнавою, что значит "сын утешения" - левит, родом из Кипра, у которого было своё поместье, - продал его и принёс деньги к ногам апостолов".

После многих сумрачных дней лицо Азы осветилось отрадной улыбкой: Варнава отдал поместье, и назвали его: "сын утешения"...

Аза выше подняла лицо и сказала:

- Это нетрудно.

- Так иди же отсюда, куда я тебя научу, и расскажи тем людям, к которым придёшь, всё, что ты мне рассказала.

Чужеземец назвал ей место, где сходятся христиане Александрии, и кто их епископ.

Аза, ни минуты не медля, встала и пошла по его указанию.

Когда Аза пришла, её сейчас же узнал один клирик и сказал ей:

- Мне знакомо лицо твоё: ты очень похожа на блудницу, которая часто ходила на берегу Нила?

- Я сама и есть та блудница, - отвечала Аза, - но я не хочу возвращаться туда, где ты мог меня видеть, - я хочу быть христианкой. - Я всё готова исполнить, что нужно.

Ей сказали, как надо поститься, она пошла и долго постилась, питаясь тем, что ей давали из сострадания. Наконец она изнемогла и пришла снова с просьбой крестить её

---

¹ Деян. IV, 32

и принять со всеми в общенье. Клирики сказали ей: ты должна принести при всех покаяние.

- Да, я затем и пришла, чтобы сказать всем, как дурна моя жизнь, но я изнемогаю и боюсь, что скоро умру. Прошу вас: скажите епископу, что я прошу скорее принять меня в общение.

Клирики сказали епископу, а тот велел назначить Азе катехизатора, который должен был протолковать ей символ и все догматы веры и потом удостоверить её познания, и тогда Азу будут крестить.

Но Аза этого не дождалась; нетерпеливое желание её получить христианское имя и жить с христианами вместе снедало её; она жаловалась и плакала, "а все пренебрегли ею".

Тогда совершилось чудо: когда отверженная египтянка лежала больная "в малой хлевине", туда к ней среди ночи вошли "два светлые мужа" и одели её в белые "крестильные ризы". В них и осталось на земле мёртвое тело Азы, а живой дух её отлетел в обитель живых.

Кончина Азы, одетой в крестильные ризы, сделала затруднение клирикам: они недоумевали, по какому обряду надо похоронить эту женщину, но неожиданно пришёл тот чужестранец, который говорил с усопшею Азой у берега Нила. Он был философ и пресвитер сирийский, друг Исаака-сирийца - он вернулся сюда с дороги по внушению Духа. Он наклонился над Азой и стал читать христианские молитвы, а пока он молился, тело Азы зарыли в землю, но сириец ещё долго стоял и смотрел вдаль - он что-то думал, он был в восторге и двигал устами.

Его спросили:

- Верно, ты видишь что-нибудь чудное?

- Да, - отвечал он, - я вижу, как будто бы небо отверзто... и туда... кто-то входит...

- Неужто блудница?

- О нет!.. блудницу вы закопали в грязи - я вижу... как лёгкая струйка с калёного угля сливается с светом - мне кажется, это восходит дочь утешенья.